

ЯЗЫКИ СОЦИОЛОГИИ: МНОГОГОЛОСИЕ ИЛИ КАКОФНИЯ?

Д. Г. ПОДВОЙСКИЙ

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович - кандидат философских наук, доцент Российского университета дружбы народов (E-mail: dpodvoiski@yandex.ru).

Аннотация. Обсуждаются проблемы понятийного аппарата социологической науки. Эпистемологический феномен "плюрализма" словарей социологии рассмотрен в контексте его импликаций. Описываются особенности языка социологии и его функционирования в современных условиях, связи с естественно-языковым окружением, процессы закрепления и выбраковки нововведений. Сделан вывод о необходимости преодоления фрагментации понятийного аппарата социологии*.

Ключевые слова: понятийный аппарат * социальные дисциплины * язык наук * терминологические новации * терминотворчество * словари социологии

Современные российские социологи спорят о роли социологии в обществе, ее публичной миссии, о предмете и методе дисциплины, ее отношении с другими областями знания. Сам факт, что российские социологи выражают неудовлетворенность состоянием языка собственной науки, скорее, обнадеживает, чем удручает. Хуже было бы, если бы об этом не задумывались... Однако, в чем же заключается "неудовлетворенность", что именно не устраивает социологов?

Между "физикой" и "метафизикой"

В отношении понятий социология фактически идет "третьим", "срединным" путем. С одной стороны, как "немой укор" для нее, - солидное, успешное, но не слишком озабоченное понятийной и методологической рефлексией естествознание. С другой, - умудренная размышлениями о категориях и конструктах мысли философия. Социология стремится догнать науки естественные и убежать от философии. Не получается ни первое, ни второе. Но не участвовать в гонке она не может. Такова ее судьба. Именно отсюда, собственно, берется "третий" путь.

Идеальную модель научного языка можно только вообразить. До нее не дотягивают многие естественные науки, не говоря о социальных. Наука не обязана быть монопарадигмальной. Ее представители способны полемизировать друг с другом по содержательным и методологическим вопросам. И это не будет препятствовать эксплуатации в пределах конкретного ученого сообщества единого понятийного слова-

* Развернутый вариант выступления автора на XII-х Харчевских чтениях (ноябрь 2010 г.) "Понятийный аппарат социологической науки. Состояние, тенденции, проблемы".

ря как средства артикуляции идей и эффективной коммуникации. Данный словарь может быть многоуровневым, структурно разветвленным, состоять из общенаучного и отраслевых секторов. Термины в нем могут быть полисемичными, т.е. иметь более одного, но не бесконечное множество значений. Научный вокабуляр должен быть высокоспециализированным. Главное, - чтобы профессионал в определенной области знал язык специальности, знал в совершенстве. Значения слов и контексты их употребления должны быть определены, прописаны и зафиксированы в авторитетной учебной и справочно-энциклопедической литературе. Это относится в полной мере и к терминам, имеющим несколько значений, пересекающимся или совпадающим по смыслу с другими. Единицы словаря науки не допускают сколько-нибудь вольной интерпретации, как со стороны автора сообщения (устного или письменного), так и со стороны адресата. Иначе говоря, предполагается наличие строго соблюдаемого эксплицитного консенсуса относительно правил использования языка и, среди прочего, готовности называть вещи "так-то и так-то" в соответствии с известными в данном кругу договоренностями.

Понятийный аппарат усложняется и дифференцируется вслед за развитием науки. Поток терминологических нововведений обогащает язык каждой конкретной специальности, что не приводит к его фрагментации или релятивизации. В "нормальной" науке действуют латентные, но разделяемые большинством ученых правила взаимного "признания" научных результатов. Внутренняя культурно-институциональная среда науки признает за определенными ролями и позициями (роль "первооткрывателя"; "пионера" в исследовательской отрасли, ранее других опубликовавшего научно значимые материалы и т.п.) право на терминологическую новацию. Она же гарантирует, что профессиональное сообщество перед лицом данной новации "сохранит солидарность" и после проведения "экспертиз" по оценке вклада конкретных лиц в разработку известной проблематики включит предложенные понятия, формулировки и дефиниции в тезаурус дисциплины. Когда мнения экспертов оказываются отрицательными, потенциальные новшества выбраковываются.

Итак, мы видим ситуацию, близкую к идеально-типической: все участники научной коммуникации в пределах конкретной специализации "говорят на одном языке и понимают друг друга" - по крайней мере, настолько (выражаясь в духе А. Шютца), насколько это необходимо для достижения наличных целей, осуществления взаимодействия и проч.

На другой чаше весов - философия. Понятийный строй мысли здесь может сильно колебаться "по части строгости" - от чрезвычайно строгих и "научообразных" систем до "почти литературных". Но философия была и остается по преимуществу персонифицированным знанием. Философский язык в тиши кабинета или лекционной аудитории, т.е. в монологическом формате, может звучать убедительно. Но об общем языковом поле философам едва ли удалось бы договориться (если рассматривать случай более или менее "совершенной" конкуренции идей, когда ситуация определения некоего учения под влиянием "экстернальных" факторов как "непреложно истинного", "всесильного и верного" в расчет не принимается). Знание о человеке и обществе, идущее по пути философии, обречено на мультипарадигмальность, концептуально-категориальный релятивизм и методологический анархизм в стиле П. Фейерабенда. И если бы социология развивалась исключительно в этом русле, ее положение можно было бы описать слабо утешительной (для науки) формулой: сколько социологов и/ или социологических школ, - столько и социологии, и, соответственно, "языков" социологии. И тогда следовало бы отказаться от практических усилий, мотивированных благим стремлением к построению общей понятийной платформы дисциплины, от мыслей о подобных задачах.

Социология, научившаяся говорить о проблемах общественной жизни на "сухом и бесцветном" (унифицированном, стандартизированном, дисциплинарном) языке идеального естествознания, вероятно, потеряла бы для многих увлеченных ею людей

значительную долю очарования. Про социологию можно сказать, хотя и с разных точек зрения, что она - "к сожалению, не физика" и "к счастью, не физика". Многие хотели и продолжают хотеть, чтобы она стала таковой, но можно не сомневаться - этого никогда не произойдет. Но, с другой, стороны, дискуссия в науке выглядит не слишком конструктивной, если ведется в режиме "вавилонского столпотворения" или "птичьего базара", - когда рамки, структурирующие разговор и определяющие его типовые смысловые интенции, вместе со средствами перевода, хотя бы приблизительного, почти полностью отсутствуют. Во всяком случае, социологи опознают такую ситуацию как "проблемную" и "болезненную". Поэтому о социологии можно добавить, что она *к сожалению*, а отчасти *к счастью* не является ни философией, ни публицистикой, ни искусством, ни литературой.

Языки социальной науки и социальной практики

Сетования экспертов и научных редакторов на низкий уровень терминологической культуры российских социологов¹ звучат оправданно [2]. Однако одними призывами к соблюдению норм профессиональной этики, включающих императив "специализированной языковой компетентности", вероятно, не обойтись. Отечественным социологам есть чему учиться у зарубежных коллег, но речь о другом. У такого состояния есть объективные причины, коренящиеся в природе поля научной деятельности, которой занимаются социологи (не только российские). Язык социологии не является строго и систематически "инвентаризированным". Ее понятийный аппарат не похож на инструментальную сумку, где все предметы хранятся в чистоте и порядке, разложены по ячейкам, используются строго по назначению и т.д. Скорее, он напоминает мешок, содержимое которого с трудом поддается каталогизации. В этом мешке грома ценных (и не очень) вещей, они перемешаны, спутаны, эксплуатируются *ad hoc*, "на глазок", "как бог на душу положит" в зависимости от искусности и мастерства конкретного исследователя. И "виной" тому - не одна мультипарадигмальность социального знания.

Язык любой науки существует и функционирует в "естественном языковом окружении" [3]. Высокоспециализированные языки экспертных сообществ соотносятся с системами знания "второго порядка". Они не только обеспечивают "нормальную коммуникацию" среди "посвященных", но и охраняют знание, носителями которого являются эти "посвященные", от ненужных посторонних взглядов и досужих мнений "профанов". Так, слабо интересующийся своим здоровьем пациент, скорее всего, мало что поймет в собственной медицинской карте, написанной "не для него". Естественнонаучные и инженерные дисциплины прекрасно научились защищать свои рубежи от потенциальных вторжений из зоны повседневности, где обитают "здравый смысл", мир "естественной установки". В данном отношении обществоведы проигрывают. Это немудрено. Их язык в значительно большем объеме пересекается с ареалами обыденного, литературно-художественного и публично-политического языков.

Слова "общество", "группа", "личность", "характер", "ценности", "поведение", "действие", "революция", "конфликт", "солидарность", "господство", "власть", "семья", "труд", "доверие", "обмен" и многие им подобные являются для социологии рабочими терминами. Но они имеют свободное хождение также в обыденной и публичной языковых сферах, причем независимо от социологии и ее "прав" называть те или иные явления и объекты "своими именами". Т.е. социолог де-факто не имеет монопольного права на легитимное определение смысла этих слов. И контексты употребления перечисленных лексических единиц в ненаучной речи, их коннотации, оттенки значения, ассоциации, ими вызываемые, отбрасывают свой семантический шлейф в "полуза-

¹ Не исключая даже переводчиков, в том числе переводчиков справочной литературы. См., напр., остроумный и поучительный комментарий: [1].

крытую зону" языка обществоведов. Ведь социологи тоже люди, - такие же носители естественных языков, участники повседневных речевых взаимодействий. Приведу несколько примеров.

По преподавательскому опыту могу сказать: трудно убедить отдельных студентов в предпочтительности специфически научной интерпретации понятий "церкви" и "секты". И не важно, что по данному поводу говорили М. Вебер и Э. Трельч, даже если их авторитет не отвергается. Просто эти слова в сознании конкретных носителей языка оказываются слишком сильно ценностно нагруженными...

Когда социолог использует прилагательное "современный" или существительное "современность", что он имеет в виду? Просто указание на настоящее время, текущий момент? Или термин, обозначающий тип общества, определенную эпоху ("модерн")? Различение первого и второго часто принципиально...

В текстах по социологической теории и смежным областям постоянно встречаются словесные конструкции "общество", "социум", "социальная реальность", "социальная действительность", "социальный универсум", "социальное бытие", "социальная жизнь", "социальный организм", "социальный агрегат" и т.п. В некоторых случаях они употребляются как синонимы, иногда - почти как синонимы, а порой - совсем в разных смыслах. Но нигде точные правила обращения с подобными словами и оборотами не зафиксированы. И у автора спросить бывает нельзя, а если и можно - нет уверенности, что вопрос на уточнение не поставит его в тупик. Не лучшим образом обстоят дела с истолкованием смыслового наполнения "метафор" [4] и инодисциплинарных заимствований, встречающихся в социологической речи ("организм", "механизм", "эволюция", "сеть", "фрейм" и проч.)...

В редких, но запоминающихся случаях имеет место обратная ситуация, - когда социология оказывается "донором" повседневного и публичного дискурсов. Какие только чудеса и метаморфозы ни происходят с терминами, пущенными в оборот и "оприходованными" в обыденной и политической речи! В меньшей степени это относится к иноязычным калькам, "терминологизирующим" востребованные в социальной практике значения и смыслы ("электорат", "ксенофобия", "толерантность", "респондент", "интерактивный"), и в большей - к словам с концептуальной биографией. Примечательна в данном аспекте судьба понятий "маргинал", "харизма" и "модернизация". К сожалению, не пощадил язык современной российской повседневности и слова "социология", "социолог", "социологический" [5; 6; 7].

В целом, практики словоупотребления (относящиеся к общему словарю и специально терминологические) в языке социологии остаются чрезвычайно вольными. И с этим, кажется, ничего не поделаешь. С этим приходится жить, - как с привычной, не перестающей отягощать родовой травмой. Разумеется, частичные сдвиги к большей четкости, корректности, организованности и компетентности таких практик должны совершаться. Однако полная реконструкция понятийного аппарата социологии на "эталонно-натуралистический" манер всегда будет манящей утопией для одних ("позитивистов", "сциентистов", "количественников") и антиутопией для других ("антипозитивистов", "антисциентистов", "качественников", "герменевтиков", "интерпретативистов").

Как понятия попадают в словари?

Ядро "универсального" понятийного аппарата в социологии существует². Как оно формируется? Вопрос, при каких необходимых и достаточных условиях авторские терминологические новации входят в общеупотребимый научный язык, не вполне прояснен. Какие единицы словаря истории социологии становятся единицами сло-

² Одна из последних попыток его систематизации и "каталогизации", осуществленная группой российских ученых [8].

варя общей социологии? Возьмем классиков. Все они создавали собственные концептуальные лексиконы. Но судьбы конкретных элементов этих лексиконов различны. Некоторые усвоены дисциплиной в целом и получили широкое хождение на ее интеллектуальных просторах, другие - напоминают о самобытном строе мысли своих создателей. Категории "аномии", "идеального типа", "элиты" живут в языке науки независимо от Дюркгейма, Вебера и Парето, чего нельзя сказать о "коллективных представлениях", "отнесении к ценности", "остатках и производных".

Интеракционистский термин "первичная группа" работает без отсылки к трудам Ч. Х. Кули, а понятия "I", "Me" и "обобщенный другой", напротив, продолжают ассоциироваться с творчеством Дж. Г. Мида. Зиммелевский "чужак" почти забыт, парковский "маргинал" известен всем.

Почти невозможно заранее предсказать судьбу понятия, претендующего на место в словаре социальной науки. Но можно рассуждать о "шансах" и факторах, способных их увеличивать и уменьшать. Отдельные понятия или их взаимосвязанные ряды, "концепты, складывающиеся в концепции" расширяют категориальную структуру науки, входят в обиход профессиональной речи, если целесообразность их употребления признана большей частью научного сообщества, а не одним только автором-теоретиком или группой приверженцев его взглядов. Некоторое значение здесь, вероятно, будут иметь "чисто языковые" особенности самого слова-претендента, - его "терминоподобие", "нейтральность", транспарентность, необремененность лишним смысловым фоном, переводимость и т.п. свойства³.

Не меньшую роль в определении будущности тех или иных понятий, судя по всему, играют институциональные условия. Достойная теория, созданная автором-одиночкой "со слабыми связями" или просто не очень честолюбивым, ее аппарат имеют меньше шансов на распространение. О нем могут вспомнить (как вспоминали о многих), но необязательно. Прижизненного признания (известность идей и публикаций, позиция в профессиональном сообществе) также может оказаться недостаточно, хотя эти "слагаемые успеха" крайне важны. Желательно, чтобы институциональный и символический ресурс отдельных фигур подпитывал аналогичные типы ресурсов научных школ и сам подпитывался за их счет, плюс чтобы такие процессы (укрепление позиций и взаимовыгодный обмен) совершались в течение периода активной научной деятельности хотя бы двух-трех поколений ученых. Последователи должны демонстрировать при этом готовность "идти вперед", но по пути, намеченному предшественниками, стремление превзойти учителей, не отвергая их наработки. Наконец, принципиально - согласие учеников использовать по возможности в качестве средства коммуникации устоявшиеся конструкции словаря, доставшегося им в интеллектуальное наследство. Параллельно достижения таких научных направлений должны внедряться в образовательный процесс.

В данном отношении показателен опыт американской социологии XX века. Ее успехи в период Первой мировой войны, не окончившиеся по сей день, впечатляют. В США сложились и продолжают сохраняться благоприятные "внутренние" и "внешние" условия для развития науки как "институционализированного предприятия". Но обстоятельствами нужно было еще грамотно воспользоваться. Иначе говоря, "удачная констелляция" включала выбор определенных (рациональных) стратегий тем, кто получает шанс выйти в лидеры. Хотя американцы не создали социологию, заимствовали многие идеи в Старом Свете, они превратили ее, в конечном счете, в "большой" интеллектуальный проект мирового значения, - проект, "не привязанный к лицам". Чикагская традиция "больше и длиннее" Р. Парка и Л. Вирта, структурный

³ Вопреки позиции "ревнителей чистоты" русского языка использование иностранных слов в качестве терминов выглядит оправданным, т.к. оно сигнализирует адресату сообщения, что перед ним - термин, а не просто элемент обывденной речи. Это не касается "неспецифической" лексики и общекультурного компонента в социальных науках, а также случаев, когда адекватный русский перевод иноязычного понятия может быть найден.

функционализм - Т. Парсонса и Р. Мертона, интеракционизм - Г. Блумера, методология количественных исследований - П. Лазарсфельда, и т.п. На протяжении длительных временных отрезков в рамках мощных концептуальных программ работали десятки и сотни ученых. В исследовательских практиках они "учились плавать на разных судах" *в широком, но общем профессиональном "фарватере"*.

Европейцы вписали в историю социологии минувшего столетия немало ярких страниц, но магистральная линия ее биографии развертывалась в Америке. Социологов Нового Света отличало от их "интровертных коллег" умение делать дело сообща, накапливать потенциал, "качать мышцы" и "тренировать серое вещество" в процессе коллективной работы. Поэтому "учебный" словарь общей социологии, - что не всех сегодня устраивает, - есть по преимуществу словарь американской социологии (роль, статус, образец / паттерн, норма, ожидания / экспектации, социальный контроль, актор, социальная структура, стратификация, мобильность, маргинальность, девиация, конформизм, социальная дистанция, референтная группа ... и проч., проч.).

Жажда новизны и страсть терминотворчества

"Ядром" терминологического аппарата, состоящим из общеупотребимых слов, далеко не исчерпывается словарь социологии. Это ядро, и без того нестойкое, испытывает постоянный натиск понятийных нововведений, - не только единичных, но и консолидированных. Терминотворчество - одно из любимых занятий социологов-теоретиков. Причем указанная склонность присутствовала не только у создателей дисциплины. Она отличает авторский стиль современных социологов "с претензиями". Очевидно, подобные устремления имеют латентное функциональное значение. Амбициозный и честолюбивый автор, желательно высокоресурсный и с армией прозелитов, может использовать следующую стратегию позиционирования в научном пространстве: окопаться в своих владениях, выстроить крепостную стену и водрузить на видном месте флаг. Иными словами, создать маркеры и провести границы. Так возникали и возникают интеллектуальные княжества "луманианцев", "бурдьёанцев" и "гофманианцев", "конструктивистов" и "деконструктивистов", "фукистов" и "постмодернистов", "гендеристов/ок", "системных аналитиков" и т.п.

Эти "невидимые государства мысли" действуют на глобальном поле. Некоторые из них разваливаются, другие - возникают. Отдельные их представители нередко образуют альянсы и союзы, которые могут быть в результате продуктивными. Но тяготение к "феодальной раздробленности" обнаруживается. Главным механизмом ее воспроизводства выступает "герметичный язык", - непрозрачный и эзотеричный настолько, что говорить на нем могут только "посвященные", а не все члены профессионального научного сообщества. Попыткам хотя бы частичного взаимного конвертирования элементов таких закрытых языков, поискам "общей почвы для разговора" их приверженцы и знатоки, как правило, сопротивляются, ссылаясь на опасность "опрошения", тривиализации и профанации ценимых ими мыслительных систем. За этим может стоять боязнь десакрализации любимого образа, нежелание лицезреть "голого короля". Новизна в понятиях, новизна "внешнего вида" - не обязательно подлинная.

Словесные замки терминологического "новояза" могут создавать вполне убедительную иллюзию новизны концепций и идей при отсутствии последней. Зерна от плевел здесь способна отделить, в конечном счете, только история самой науки. Ожидает ли долгое будущее модные нынче в социологическом мире слова типа "самореферентность", "аутопойесис", "габитус", "симулякр", "фрейм", "эпистема", "нарратив" и т.п.? Какая часть издаваемых сегодня на Западе Луман- или Бурдьё-"Лексиконов" пополнит энциклопедические словари по общей социологии? ... Время покажет.

Многоголосие - не разноголосица?

В условиях "неизбывной" и "неустрашимой" мультипарадигмальности можно работать плодотворно. Но не в условиях хаоса. Концептуальных словарей социологии может быть много, но они не должны быть замкнутыми и непроницаемыми. Как учат мэтры нашей науки, "*понимание* другого" всегда является приблизительным, существенно зависимым от взгляда наблюдателя, стремящегося к пониманию. Поэтому и взаимопонимание между сторонами относительно. Но частичное (взаимопонимание все же лучше, чем отказ от него. Это верно и в отношении социологии, говорящих на разных языках.

Профессиональное сообщество ученых, представляющих одну науку, пускай неоднородную, должно поддерживать в собственных интересах определенный уровень согласия относительно средств выражения и трансляции идей, адресованных внутренним и внешним аудиториям. Важно преодолевать герметичность и релятивизм отдельных понятийных словарей, стремиться к их конвертированию с целью обнаружения в масштабах когнитивного поля социологии сквозных линий и сюжетов, мотивов преемственности и изменчивости, традиции и новизны. Данная задача встает перед историей социологии как учебной дисциплиной и шире - перед социологической "пропедевтикой" любого жанра и стиля⁴. Пользоваться время от времени "бритвой Оккама" и убеждаться, что новое и вправду является во многом "хорошо забытым старым", бесполезно. Процедуры "подстрочного" или "фонового" перевода социологических конструкций на язык доступный и "человеческий" способны помочь нашей науке обрести уважение и признание заинтересованной в ее открытиях общественности, - уважение и признание, к которым социология стремится, и которые она, кажется, хотя бы отчасти заслужила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барчунова Т. В.* Неискушенный фальсификационизм? [Рец. на: *Джерри Д., Джерри Дж.* Большой толковый социологический словарь. В 2-х т. М.: Вече, АСТ, 1999] // Социол. журнал. 2000. 1/2.
2. *Тощенко Ж. Т.* К читателю // Социол. исслед. 2007. N 1.
3. *Николаев В. Г.* Социология и ее естественно-языковые среды // Междисциплинарность в социологическом исследовании: Материалы Методологического семинара памяти Г. С. Батыгина (2007 - 2009 гг.) / Отв. ред. *Л. А. Козлова.* М.: Изд-во РУДН, 2010.
4. *Рассохина М. В.* Метафора в языке социологической науки. М.: МВШСЭН, 2001.
5. *Подвойский Д. Г.* Социология в современной России. "Непричесанные мысли" // Социол. исслед. 2008. N 7.
6. *Шмерлина И. А.* Профессия - социолог: "ходит, пишет, изучает..." // Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации / Отв. ред. *Л. А. Козлова;* ред.-сост. *Н. Я. Мазлумянова, И. А. Шмерлина.* М.: Научный мир, 2010.
7. *Козлова Л. А.* Общественное мнение о социологии - взгляд "с той стороны" // Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации. М.: Научный мир, 2010.
8. Тезаурус социологии: Тематический словарь-справочник / Под ред. *Ж. Т. Тощенко.* М.: Юни-ти-Дана, 2009.
9. *Чеснокова В. Ф.* Язык социологии. Курс лекций. М.: ОГИ, 2010.

⁴ Среди работ современных российских авторов в этом отношении заслуживает внимания книга В. Ф. Чесноковой [9].